

Трынкин Вадим Владимирович
Trynkin Vadim Vladimirovich
ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный
педагогический университет им. К. Минина.
Минобразования России», Нижний Новгород
FGBOU VPO «the Nizhny Novgorod State Pedagogical
University. K. Minin. The Ministry of education of Russia, Nizhny Novgorod
Доцент кафедры философии
Assistant Professor of philosophy
Канд. филос. Наук / доцент
E-Mail: protector@live.ru

08.00.00. Экономические науки

Проблема соотношения стоимости и справедливости

Problem of correlation between cost and fairness

Аннотация: В статье рассмотрено крайне важное, на взгляд автора, соотношение всеобщего мира стоимостей и столь же всеобщего бытия справедливости в системе мировой и локальных экономик. В материале статьи использованы, с одной стороны, теоретические положения современного учения «Экономикс», с другой стороны, мнения представителей мировой философии на обозначенную выше проблему. В результате проведённого анализа, автор делает вывод о необходимости пересмотра сложившихся представлений, подчёркивающих сущность чисто рыночного вида равновесия в человеческом обществе. Автор обозначает стратегически иной путь экономического взаимодействия внутри отдельных обществ и человечества в целом, на основе принципа справедливости.

The Abstract: This article discusses an extremely important, in the view of the author, the ratio of universal peace and universal values of fairness in world and local economies. In the article, on the one hand, the theoretical positions of contemporary doctrine "Economics", on the other hand, the views of the representatives of the world philosophy at designated above. As a result of the conducted analysis, the author concludes that a review of the submissions, a purely market-based entity types equilibrium in human society. The author calls strategically different path of economic interaction within individual societies and humanity as a whole, on the basis of equity.

Ключевые слова: «Экономикс», предельная полезность, ценовое равновесие, меры и нормы, пропорции, принцип справедливости.

Keywords: "Economics", marginal utility, a price balance, measures and rules, proportions, the principle of fairness.

§ 1. Стоимостное всеобщее и мир пропорций

В настоящее время человеческие отношения в мире преимущественно зависят от особенностей и прихоти рынка. Специфику рыночных отношений очень редко связывают с принципом справедливости, поскольку руководящим для участников рынка является принцип предельной полезности. Но то, что предельно полезно одной стороне обмена, может оказаться большим вредом для другой. «Невидимая рука» Адама Смита по определению незрима, а потому о мере справедливости или несправедливости в её манипуляциях судить невозможно. Меж тем, отношения людей отчётливо делятся на дееспособные (активная часть населения) и

недееспособные (старики, дети-сироты, больные, инвалиды). «Невидимой руке» с этой спецификой взаимоотношений принципиально не справиться, поскольку категории недееспособного населения выступать в качестве какой-либо стороны обмена с дееспособными людьми фактически невозможно. Одновременно, рыночной новейшей теорией «Экономикс» (М.Блауг, Л.Мизес, С.Фишер, Ф.Хайек и другие) государству выделена лишь функция «ночного сторожа», то есть активно вмешиваться в рыночные отношения ему не позволено. А когда правительственные структуры поднимают вопрос о социальных программах и повышении налогов в связи с социальными программами, нет никакой уверенности во внутренней мере данных притязаний. В этой связи можно утверждать, с одной стороны, что в рыночные отношения, достаточно агрессивно вторгающиеся в широкую область жизни нетрудоспособного населения, с другой стороны, испытывают разные виды принуждения со стороны государства. А потому определённно назрела проблема выявления подлинного регулятора общественных отношений – принципа справедливости. Данной теме и будет посвящена настоящая статья.

Сама справедливость, как и «невидимая рука» А. Смита, может кому-то показаться неуловимой, поскольку у стоимости, якобы, нет её конкретизирующих факторов. Цена и деньги вполне представимы, а стоимости самой по себе вроде бы нигде нет [16. 8]. Автор данной мысли в некотором смысле прав. Известно, например, мнение Маркса, когда он, указывая на приоритет процесса созидания и обмена в ходе порождения мер стоимости, всё же полагал, что любой товар лишён стоимости до начала его обращения в рамках хозяйства в целом. То есть, по Марксу, отношения стоимости становятся явными лишь благодаря обменным отношениям между людьми именно в масштабе общества. Или иначе, как организм в состоянии восполнить отсутствующую функцию любого органа, так и целостный хозяйственно-торговый механизм предопределяет своим мощным влиянием существо циркулирующих в нём стоимостей. Правда, если взглянуть на данное соотношение с другой стороны, сам вопрос о существовании стоимостей вне экономического пространства несколько абстрактен, так как такое пространство давно дано развитием человечества, а, значит, мир стоимостей в нём вполне проявлен. А если мир стоимостей проявлен, к нему можно подыскивать ту или иную систему мер, основываясь не только на экономических регуляторах, но и на критерии справедливости. И если подобная система мер будет высвечена, либо прояснится подход к её реальному обнаружению, тогда рыночные отношения перестанут быть непредсказуемыми и спонтанными, от чего пока страдают экономические системы отдельных стран и современная глобальная экономика в целом. Об этом обстоятельстве предельно внятно сигнализирует непрекращающаяся череда мировых экономических кризисов.

Учитывая, что поиск свойств бытования справедливости в экономических отношениях вполне необходим, стоит предпринять все возможные усилия для полноценного прояснения её сущности. Любопытно, что теоретики новейшего учения «Экономикс» отчасти знают о влиянии справедливости на экономические отношения, но стремятся подходы к её обнаружению всячески затушевать. Обратив, для этой цели, всё внимание на внешне-количественные параметры возникновения меновых стоимостей и цен, теоретики экономикса стремятся абсолютизировать их, используя для этого различные макроэкономические матрицы и таблицы. Но макроэкономические параметры подобны общей температуре по больнице – они мало о чём говорят, или вообще ничего не говорят о важнейшей проблеме соотношения дееспособно и недееспособного населения. Из них нельзя понять также, каковы вполне конкретные отношения между отдельными производителями, между ними и торговыми институтами. Макроэкономические параметры, тем более, не затрагивают специфики внутренних взаимоотношений в тех или иных коллективах производства или торговли. А накал страстей внутри них часто бывает крайне велик, проявляясь, с одной

стороны, в масштабных стачках и забастовках, с другой стороны, в массовых увольнениях не только работников, но специалистов и даже топ-менеджеров. Потому макроэкономические расчёты полезны при оценке только глобальных процессов и состояний, но полностью неадекватны для изучения великого множества частных и отдельных социальных и производственно-торговых взаимоотношений.

Обращая внимание на частные и отдельные производственно-торговых процессы, отметим, что даже К. Маркс, видимо, будучи увлечён своим открытием философской сущности экономики, отчасти оказался в плену у макроэкономического отчёта и соответствующих подсчётов. А именно, Марксом выдвинута идея: благодаря всеобъемлющей мощи расширяющегося всечеловеческого производства и сопутствующего ему обмена, действительное развитие источников богатства происходит как бы за спиной одержимых жадой денег индивидов и государств. Испытывая зависимость от всеобщих и безличных сил производства и торговли, отношения людей между собой, преломляющиеся через процедуру обмена товарами, приобретают фантастическую форму взаимоотношения вещей, причём, не самих по себе, а в виде их стоимостей. Стоимость таким способом превращает каждый продукт труда в общественный иероглиф (б. 84), то есть, отчуждённый от любой вещной формы знак. Эти иероглифы (стоимостные знаки, и, в частности, – знаки денежные) достигают значения рока, полностью подчиняющего себе бытие свободной воли людей. «Стоимости правят миром» — так можно было бы оформить возникший вывод, и тогда регулятивной роли государства по отношению к производству и торговле не остаётся места.

Между тем, философы с древнейших времён пристально вглядывались в исходные условия самого процесса возникновения стоимостей, возникновения первоначального капитала. Локк, в этой связи, отмечал: хотя все плоды, естественно произрастающие на Земле, принадлежат всему человечеству, всё же должно быть средство присваивать их тем или иным способом, чтобы они пошли на благо отдельному человеку. Таким универсальным средством становления частной собственности Локку представился человеческий труд, поскольку именно он выводит предметы из состояния общего владения и присоединяет их к собственности конкретного лица, ставя тем самым, предел праву на общее пользование. Приоритетность труда по отношению к обмену поддерживали также Д.Рикардо и К.Маркс.

Рассматривая внешнюю безличность всеобщей формы стоимости со стороны условий её возникновения, оказывается, что она фактически соткана из великого множества сгустков человеческого труда. Действительно, в процессе её порождения она представляла собой множество конкретных, вполне осязаемых действий, приобретших, в конце концов, форму всеобщности. То есть, обезличенность мира стоимостей очень условна, поскольку в её ткани незримо присутствует огромное число волевых актов людей, создававших каждый её атом. А, с другой стороны, именно в связи с процессом труда, вкладывая свою волю в создаваемую вещь, каждая личность, благодаря системе взаимодействия человеческих отношений через посредство вещей, придаёт своей воле субстанциальное значение, органично входя в систему взаимодействия волевых актов целого (Гегель: 2. 71).

Учитывая, что мир стоимостей повсеместно вырастает из актов труда, процессы возникновения стоимостей тесно обуславливаются с его нормами и мерами. Сами нормы и меры возникают из объёма, качества, специфики технологии в каждом конкретном эпизоде производства или обмена. И действительно, вещь, заменяемая в дальнейшем деньгами, должна в ходе её создания соответствовать нормам и мерам труда, равным таким же нормам и мерам другого труда, на который она приобретает или обменивается (Кант: 4. 263). Данные и более разнообразные характеристики труда ввёл в сложную систему общественных отношений Аристотель, отметив: земледelec «производит хлеб, строитель – дом, ткач – плащ, сапожник – обувь... и равным образом все прочие вступают в такие же соотношения,

обменивая свои изделия на то, что есть у других. В этом состоит пропорция: земледелец так относится к строителю, как строитель к земледельцу. Равным образом и между... всеми другими образуется одинаковая пропорция взаимных отношений. Таким способом данная пропорциональность укрепляет общественную жизнь (1. 325-326).

Критика со стороны теоретиков экономикса, не обращая внимания на достижения других мыслителей, почему-то обрушилась именно на суждения Аристотеля, каждое из которых толкуется весьма сомнительно. Аристотель, мол, «не предложил никакой теории меновой ценности или цены», а остановился на некой таинственной объективной ценности вещей, которая, якобы, «не зависит от обстоятельств» [Шумпетер: 16. 75]. Но в приведённом выше суждении Аристотеля учёт различных обстоятельств начинается с: 1) конкретных процессов созидания, в которые вовлечено всё работающее общество. 2) Каждому процессу созидания в любой отрасли присущи меры и нормы труда, выверяемые долгой практикой измерений и учёта, и сопоставляемые при множестве обменных процессов. Данные меры, нормы создаваемых, готовых товаров и услуг, становятся основанием широкой сферы объективных пропорций. 3) Пропорции, в связи с ростом, расширением производства и потребления, усложняются и уточняются. Потому разросшаяся до масштаба всеобщности сфера пропорций, в конце концов, обретает вид объективной основы утверждения и повсеместного распространения отношений справедливости, условием поддержания атмосферы взаимодоверия во всём обществе. Следовательно, в данной мысли Аристотеля никакой мистики нет. Важно было лишь приглядеться к его не до конца раскрытым формулировкам, да сопоставить их с современными реалиями.

К сожалению, данный критик основных доводов Аристотеля не замечает и стремится поправить мудреца: «гораздо более резонно предположить, что Аристотель просто имел в виду рыночную меновую стоимость, выраженную в деньгах, а не некую таинственную субстанцию ценности» [16. 75]. Иначе говоря, вновь упускается из вида сложнейшая система хозяйственно-экономических мер и норм, сложившаяся система взаимных пропорций, в которых просвечивает реальная основа справедливости. И этот огромный массив объективной информации сводится к поверхностным и случайным показателям меновой стоимости. Если бы взгляд на учение Аристотеля не носил флёра пренебрежения, можно было бы легко увидеть, что Аристотель, напротив, критикует стихию меновых стоимостей. Ведь, при их доминировании сообщество людей становится подобным сообществу зверей (именно из-за стихийности и агрессивности конкурентной борьбы), да и сама сфера обменных услуг попадает в зависимость от различнейших форм обмана [1. 460].

Точку в пассажах экономикса ставит Л. Мизес, который объёмное суждение Аристотеля (и других философов) о существовании системы пропорций, создающих объективную основу исчисления стоимостей, именует ошибкой длиною в 2000 лет [8. 193]. Но экономист, отрицающий продуктивную теорию, разносторонне развивающую спектр анализа хозяйственно-торговых отношений, подобен фермеру, засыпающему водный источник, важный для орошения полей и созревания урожая.

Возвращаясь к всеобщей форме стоимости, мы теперь можем видеть, что она перестаёт быть обезличенной реальностью, а демонстрирует внутри себя *сложно дифференцированное множество мер*. Данная особенность стоимости – быть внутри себя сложно дифференцированным множеством мер – привлекала к себе внимание, начиная с Платона, возможностью объективного выражения справедливой пропорциональности, то есть, возможностью достижения главной цели гражданской республики. Данный аспект бытия стоимости со своей стороны чётко обозначил Аристотель: «каждый за свою вещь назначал цену, и так производили обмен друг с другом: тем самым поддерживалась государственная общность» (1. 326). Действительно, справедливость в отношениях между людьми более всего

сводится к пропорциональности (1. 327). При распределении благ, услуг, предметов, прав и т.п. справедливость заключается в том, чтобы обе стороны получили доли, пропорционально соответствующие их мере участия в том или ином деле (1. 158). Пропорциональность как таковая обретает, в конце концов, свой нравственный смысл, если она образуется не от внешней, ситуативной, а от внутренней, всеобщей меры справедливости, к которой сводятся все конкретные акты труда и обмена.

Например, цены более соответствовали бы справедливости, если бы «назначали не ту, какая владельцу кажется выгодной, а ту, которую он назначал бы, прежде чем стал владельцем» (1. 246). Условие это вполне действительно, поскольку те или иные люди, выступая в качестве продавца в одном отношении, во многих других вынуждены выступать в качестве покупателей. В данном ключе высвечивается и природа несправедливости, которая представляет собою присвоение «чужого» блага, либо отказ от «своего» зла (1. 146). И если оценить практику реальных человеческих отношений во всём их объёме, обнаружится, что люди очень чутко реагируют, когда кто-то несправедливо лишает их собственного блага, либо отказывается под какими-то предлогами от причинённого им зла.

Таким образом, всеобщая форма стоимости внутренне соткана из великого множества представляющих её мер и норм, которые постоянно сигнализируют о её сущности, о предопределяющей эту сущность справедливости. Исходны в перечне таких условий меры и нормы созидания, рождённые мастерами и творцами прежних веков, которые ныне в некоторой своей части приобрели вид стандартов. Если, например, в недеформированных общественных отношениях какой-то предприниматель-строитель нарушает те или иные строительные стандарты, угрожая безопасности будущих жителей дома, он уже творит явную несправедливость в отношении к ним, даже тогда, когда продажа квартир и их покупка выглядит вполне благопристойно. Точно такую же роль играют различные нарушения стандартов качества, санитарных и прочих норм [7. 141].

В нравственно ориентированных общественных отношениях Центральный банк страны тщательно следит за процессом эмиссии, составляя не просто ежегодный или ежеквартальный, а даже «ежедневный эмиссионный баланс» [15. 38]. В данном случае присутствует вид удержания в управляемых рамках процесса образования мер и норм стоимостей, а значит и условий поддержания мер справедливости. Столь же неустранимы в фактической стороне дела заботы об условиях поддержания мер справедливости во взаимоотношениях стран между собой, когда каждая из них тщательно просчитывает свой платёжный баланс (обычно за год), соотнося его с аналогичными показателями других стран [7. 459].

Проблема справедливости выступает отчётливей, если та или иная страна стремится уравновесить государственными мерами «неэквивалентный обмен ресурсами между промышленностью и сельским хозяйством» [15. 114]. Ведь хорошо известно, что сама по себе продукция сельского хозяйства могла бы конкурировать с товарами промышленности, не будь многовековой эксплуатации правящими центрами сельскохозяйственных провинций, а городом – села [14. 87-88]. А потому, следуя справедливости, приходится отдавать запоздалые долги в виде внешне неэквивалентного, а внутренне – вполне справедливого обмена.

Критично настроенный ум возразит: есть, мол, немало примеров, когда правительства управляют странами без всякой оглядки на справедливость. Действительно, государственные отношения могут регулироваться и несправедливостью, причём, внешняя их стабильность может казаться оптимистичным фактором. Не оговаривают, правда, что подобная стабильность достигается нередко репрессивными мерами, страхом. Однако в тех странах, где стабильность насаждается страхом, явное отсутствие конфликтов вовсе не отменяет их

латентного назревания, чреватого крайней нестабильностью и социальными взрывами [13. 312].

Некоторые экономики, например, опираясь на силу монополий и скрытую поддержку власти, откращиваются от забот об экологии, социальных программах, демонстрируя критикам блестящие показатели своего роста. Но их рост за счёт погибающей природы грешит явной несправедливостью в отношении к естественному лону жизни настоящих и, особенно, будущих поколений, неся в себе взрывоопасные тенденции. Эти тенденции начали ныне ощущать на себе страховые компании, видя в них причину скорого разорения от умножающихся техногенных катастроф. Платон тип подобного развития осмыслил гораздо глубже нынешних аналитиков: если справедливость (как регулятивное общественное средоточие) нарушается, исчезают общие цели, распадается государственное единство, его заменяют междоусобицы и, рано или поздно, подобные государства приходят к гибели [10. 448-449].

Меж тем, структура государств по сути своей предназначена служить процессам обеспечения деятельной заботы обо всех его гражданах без исключения, причём, справедливость в этом отношении становится регулятивным критерием [Платон: 9. 224; Аристотель: 1. 467]. Как бы ни относились критики, например, к шведской модели организации государственных отношений, она остаётся пока наиболее приемлемым образцом перенаправления значимой доли (более ½) государственных расходов (кои представляют собою 70% от ВВП) на нужды своих граждан. Ибо если о гражданах не заботится воплощение их общей воли – государство, – тогда рынок о них, тем более, заботиться не будет.

На справедливой основе может выстраиваться и финансовая система. Шведский Государственный банк, например, выверяет индекс своей валюты, не просто ориентируясь на «корзину» из трёх-четырёх, а пятнадцати валют важнейших партнёров по торговле, учитывая также статистику торговых операций за последнее пятилетие. В результате шведская крона обращается с нулевой возможностью отклонения [Даниэлс: 3. 259]. Крайне симптоматично и то, что на пике финансового кризиса 2008 года неожиданно для всех проявили заботу о поддержании справедливости откровенно рыночные системы Англии и США, приступив к частичной национализации крупнейших банков. Справедливость, как регулятивное средоточие государственных отношений, как видим, вовсе не миф, не ушедшая в прошлое реальность. А потому внимательное отношение к сути справедливости гораздо полезней близорукого её отрицания.

§ 2. Справедливость и промежуточный вид стоимости

Учитывая, что отношения справедливости исходно имеют объективную природу в виде сложно дифференцированного множества мер/норм труда и обмена, нельзя не считаться, в то же время, с фактором отступающего перед их сложностью количества. Оно отступает, прежде всего, перед мастерством, искусностью создателей ценностей, которое количественным меркам зачастую не поддаётся. К ним примыкает проблема качества товара, вновь во многом ускользающая от прямых числовых оценок. Также немаловажен организационно-управленческий фактор, гармонизирующий или дестабилизирующий процессы производства и обмена в то или иное русло, который вновь не подвластен строгим мерам. К перечисленным факторам можно присоединить условно общественную значимость изделия, которая двоятся на значимость фактическую и иллюстративную: первая полноценно служит людям, вторая может быть искусственно раздута в ходе рекламных кампаний. Эти последние два момента, обусловлены бытием изделий и стоимостей внутри общественных отношений, и также выходят за рамки строгих процессов измерения.

Принимая во внимание значительное количество факторов, во многом снижающих степень числовых и объективных мер и норм стоимости, приходится искать особенный вид учёта стоимостных взаимоотношений в ходе труда и обмена. К нему относится *промежуточный* метод определения стоимости, в котором присутствует отчасти исчисляемо-объективная значимость продуктов, а отчасти приходится уповать на кое-какие субъективные факторы. *Промежуточный* метод впервые был обнаружен Аристотелем, и данный метод отличается от многих экономических методик максимальным учётом богатства именно реальных обстоятельств, а также их диалектическим сопряжением.

К *промежуточным* способам фиксации мер стоимости и справедливости ныне приближаются кое-какие наблюдения, не совсем отдающие отчёт об обнаруживаемой их сущности. Например, по ряду причин (разные почвенно-климатические условия, отличающиеся меры организации производства и проч.) затраты на производство именно однотипных товаров часто значительно различаются [17. 248]. Столь же изменяются нормы и меры стоимости от каждой степени улучшения товара [17. 249]. Правда, далее отмечено, что на «необходимые населению товары...цены регулируются законом стоимости», а товары повышенной сложности «регулируются спросом и предложением» [там же]. Но в большинстве экономик мира равновесного рынка пока нигде нет. А потому крайне необходимые для людей товары подвергаются явным спекулятивным манипуляциям со стороны естественных монополий, а товары повышенной сложности, как правило, опекаются спекулятивно-криминальными структурами, которые деформируют стоимостные уровни в свою пользу. Значит, откровенно условное разведение мостов между данными видами стоимости положения не спасает.

Гораздо продуктивней иное предположение: если два несоизмеримых набора предметов не поддаются количественному анализу, можно воспользоваться «приблизительными статистическими сопоставлениями», но вовсе не для точного подсчёта, а для конкретизации более *общих суждений* [Кейнс: 5. 250]. Такие суждения возникают благодаря профессиональной теоретико-практической интуиции, которая способна «охватить более широкий комплекс фактов, чем тот, с которым можно работать на основе общих принципов» [5. 416].

В приведённом суждении Кейнса возникает поступенчатое приближение к *промежуточному* методу фиксации мер стоимости и справедливости. Вначале фиксируются конкретные нормы и меры стоимости в ходе созидания и обмена, затем – приблизительные их статистические сопоставления, а в связи с ними – более *общие суждения*, опирающиеся в итоге на профессиональную интуицию широких кругов специалистов, достигающих сбалансированного консенсуса по тем или иным группам товаров и цен.

Круг специалистов, во избежание профессионального сговора, может быть расширен с помощью привлечения знатоков из смежных отраслей. Частичные полномочия по оцениванию товаров и цен могут быть доверены также и группам потребителей. Разумеется, есть существенная разница между профессионально оснащённой интуицией специалистов и практической интуицией потребителя. Но Гегель, например, заметил, что человеку, не раз носившему ту или иную вещь, потреблявшему тот или иной продукт, не так уж трудно разобраться в их подлинных достоинствах. То есть, потребительскую интуицию недооценивать не следует, когда речь идёт не об очень сложных товарах широкого спроса. Таким образом, *промежуточный метод* фиксации мер стоимости и справедливости вполне возможен, если отнестись к нему профессионально, ответственно и сообща.

Идея *промежуточного метода* фиксации явлений разнокачественных и даже противоположных товаров философам очень близка. Мудрецов Древней Греции и Китая чрезвычайно увлекала мера, с помощью которой сопрягаются противоположности, не

теряющие индивидуальных качеств, но сплавляющиеся в нечто третье. О *промежуточных* вещах, разумно сближающих даже проблемы потустороннего и земного мира, размышлял Платон. На новейшем витке развития мудрости И. Кант, подвергнув критике догматизм и нигилизм, развернул систему трансцендентальной философии, явившуюся тонким и глубоким методом среднего пути в процессе познания мира в целом, непростых экономических явлений, в частности. И всё же впервые применительно к общественной жизни (и экономике) *промежуточный метод* фиксации мер стоимости и справедливости был осмыслен Аристотелем.

Оттолкнувшись от взаимодействия труда и обмена, от возникающего в этой совокупности великого множества сложно дифференцированных мер, от сопрягающих их пропорций, Аристотель не забывает о сосуществующей (одновременно с мерами и пропорциями) громадной проблеме. Данная проблема возникает в связи с попытками некоторых политических режимов ограничить деятельность людей строго очерченными рамками сложившихся и ставших традиционными правил той или иной деятельности. Аристотель, сомневаясь в устойчивости подобных правил, ссылается на Вавилон – то ли государственное целое, то ли округ, включающий в себя множество племён. Если многие жители государства, - рассуждает он, - умирая и нарождаясь, постоянно обновляются, внутренне обновляется и государство, хотя внешний вид его будет одним и тем же [1. 448]. Вывод из этих рассуждений следующий: сколь бы ни были многочисленны меры и пропорции труда и обмена, образуя собою некий незримый каркас сложившихся отношений, на него всё же активно влияет фактор новых видов деятельности обновляющихся поколений. Они иногда вводят в обращение качественно новые меры и пропорции, отменяя старые. Эта нарождающаяся творческая деятельность изначально опирается на профессионально-практическую интуицию, создающую и оценивающую многие совершенно непредсказуемые меры и нормы, демонстрируя тем самым её неустранимость.

Фактор профессионально-практической интуиции неизмеримо важен, касается ли он профессионалов созидания/обмена, либо потребителей. Этот фактор заряжен изнутри сопряжением многих отраслей деятельности, сливаясь в межпрофессиональное поле духовно-практического общения. Ибо каждый из профессионалов, трудясь в одной отрасли, оказывается потребителем продукции всех других отраслей. Потому на первый план выступает специфика, вроде бы, полностью субъективной справедливости. Хотя данный вид справедливости изнутри образуется вследствие огромной совокупности объективных мер и норм, соотносящих их пропорций, но он, одновременно, выходит за их границы, принадлежа профессионально-практической интуиции в ходе её обновления. Именно такой способ возникновения и определения справедливости приобретает, в конце концов, универсальный характер.

Учение мудрецов о справедливости высвечивает совершенно особое явление – сферу отношений доверия внутри широкого круга участников обмена, основанную на действии справедливости. Данное учение подхватывают думающие экономисты: «Мы вверяем наше здоровье врачу, наше состояние, а иногда и жизнь – поверенному и адвокату», - очень точно подмечает А. Смит [12. 228]. Далее, правда, он надеется на солидное общественное положение да высокий гонорар лиц, коим оказывают доверие, как бы обеспечивающие гарантии всеобщей безопасности. Однако нет нужды специально рассматривать то, как портят человеческую натуру высоты карьеры да большие деньги. Потому гораздо важнее исходное – неотвратимая потребность в *доверительном перепоручении* наших дел и жизней множеству незнакомых лиц. Мы вверяем их водителю автобуса (поезда, самолёта), повару ресторана, изготовителю любого продукта или сложного товара (в коих могут быть болезненные микробы или скрытые дефекты), банкиру, выдающему кредит (чтобы он после не обманул с возросшими процентами), т.д., и т.п.

Каждая из форм *доверительного поручения* внешне может опираться на письменные договоры или рыночные отношения, то есть подразумевать какое-то нормативно-документальное выражение. Но высшая особенность жизни заключается в том, что любое писаное либо рыночное материальное закрепление соглашений практически эфемерно без духовных по сути отношений справедливости и взаимного доверия. Ибо справедливое от природы выше торговых договоров и даже законов [Аристотель: 1. 328]. Где сила справедливости и взаимное доверие перестают действовать, договоры вероломно разрывают, рынок превращается в подавление сильной стороной (производителем-монополистом, монополистом-продавцом или монополистом-покупателем) стороны слабой. Потому в обществе испокон веков первичны и совершенно неустраимы отношения взаимного доверия, опирающиеся на справедливость.

Международная практика торговых отношений, казалось бы, подчинена исключительно нормативным и материально-рыночным законам. Но если к ней присмотреться внимательней, она постоянно апеллирует к отношениям взаимного доверия, регулятивным средоточием которых является справедливость. Например, в Генеральном соглашении о тарифах и торговле (1947 г.) существует правило: «любое двустороннее снижение тарифа (режим наибольшего благоприятствования) должно тотчас распространяться на всех» [Даниэлс: 3. 174]. Правило подобного рода, в случае его нарушения отдельными странами, мгновенно проверить очень трудно. А потому оно больше относится к зоне взаимного доверия. Не случайно в каждой из областей взаимной торговой деятельности (государственные закупки, субсидии и компенсационные пошлины, таможенные оценки и т.п.) «участники Токийского раунда согласились принять *Кодекс поведения* стран-членов ГАТТ» [3. 176]. Хотя все прекрасно понимают, что кодекс поведения – сугубо нравственная сфера, но именно ей поручается осуществление самого высшего контроля над любыми межгосударственными предписаниями, связями, сделками. В этом смысле каждый из участников многосторонних отношений неявно признаёт регулятивную и всеобщую силу справедливости.

К сожалению, тяга к корысти и господству (как это было в истории не раз) временами оттесняет силы доверия, нравственности, справедливости на последний план и вновь начинается конкурентная война. Но стоит такой войне вступить в полосу кризиса (мы отчётливо это увидели при финансовом кризисе 2008 года) как вновь возрождается намерение ряда глав правительств и серьёзных участников международного рынка вернуть нравственность (и справедливость) в экономику. Правда, даже и кризисом порождённое намерение далеко не всегда продлевается, и в этом есть определённый урок, распространяющийся на последующие, относительно благополучные отношения. Потому в решении данной проблемы совершенно необходим не чисто экономический, а справедливостью регулируемый системный подход. То есть, нравственность и справедливость способны возродиться в производственно-торговых отношениях на уровне взаимодействующих отраслей и стран, если главным субъектом подобного устремления станут основные категории профессионалов и потребителей того или иного масштаба хозяйствования. Правда, подобный шаг в развитии мировой экономики возможен при *ином типе регулирования* производственно-торговыми процессами, специфике которого требуется посвящать отдельные статьи. И всё же, к построению *иного типа регулирования* производственно-торговыми процессами надо стремиться, чётко отдавая отчёт в том, что «требования справедливости и честности... не могут быть принесены в жертву» чему-либо другому [Рикардо: 11. 204].

Вывод: необходимо радикально пересмотреть сложившиеся в современном экономическом учении «Экономикс» и в общественно-экономических отношениях представления, основанные на чисто рыночном виде равновесия в человеческом обществе.

Стратегически важен иной путь экономического взаимодействия внутри отдельных обществ и человечества в целом, регулятивно-нравственной основой которого должен стать принцип справедливой пропорциональности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Соч. в 4-х тт. Т.4. М., 1984. – 514 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия права М., 1990. – 524 с.
3. Даниэлс Д., Радеба Л. Международный бизнес: внешняя среда и деловые операции. М., 1998. – 784 с.
4. Кант И. Соч. в 6 тт. Т. IV. Ч. 2. М., 1965. – 478 с.
5. Кейнс Дж. М. Избранные произведения. М., 1993. – 543 с.
6. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т.1. М., 1973. – 831с.
7. Международные экономические отношения. М., 2005. – 468 с.
8. Мизес, Людвиг фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. М., 2005. – 456 с.
9. Платон. Государство. // Соч. в 3-х тт. Т.III. ч.1. М., 1971. – 687 с.
10. Платон. Политик. Законы. // Соч. в 3-х тт. Т.III. ч. 2. М., 1972. – 678 с.
11. Рикардо Давид. Начала политической экономии и налогового обложения. Т.1. М., 1995. – 360 с.
12. Смит Адам. Исследование о природе и причине богатства народов. Кн. 1-3. М., 1992 М.: Наука. – 570 с.
13. Спиноза Бенедикт. Политический трактат. // Изб. произв. В 2-х тт. Т.2. М., 1957. – 518 с.
14. Грынкин Вадим. Саркофаги и солнце. Полномочия права. Нижний Новгород, 2005. – 512 с.
15. Щегорцов (и Таран В.А.) Мировая экономика. Мировая финансовая система. Международный финансовый контроль. М., 2005. – 498 с.
16. Шумпетер Й.А. История экономического анализа. В 3-х тт. Т.1. СПб, 2001. – 857 с.
17. Экономическая теория на пороге XXI века. Т.2. М., 1998. – 524 с.

Рецензент: Пушкин Сергей Николаевич, доктор философских наук, профессор кафедры социальных и гуманитарных дисциплин (Приволжский филиал ГОУВ ПО «Российская академия правосудия»)